

Ф. Рон

R $\frac{63}{581}$

В лапах охранки и суда

ИЗД-ВО
ЦК МОДР
1 09 08 02

Ф. КОН

R $\frac{63}{581}$

$\frac{801-16}{763}$

В ЛАПАХ ОХРАНКИ И СУДА

С предисловием КЛАРЫ ЦЕТКИН

32-33856.

Издательство
ЦК МОПР СССР
Москва—1932

МОПР № 5-340—1⁵/₈ п. л.

Бумага 72 сит. х 93 (1¹/₈₀) п. зн. в листе—58656.

Редактор М. А х м а н о в. Техред. А. Л о й т е р ш т е й н.

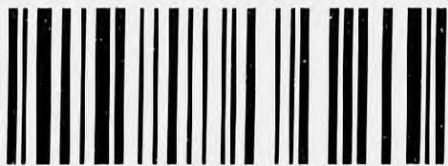
Сдано в набор 16/IV Подписано к печати 11/V 1.

ОПЫТ ПРОШЛОГО — ОРУЖИЕ НАСТОЯЩЕГО

(Вместо предисловия)

Настоятельные боевые нужды развивающейся мировой пролетарской революции заставили т. Феликса Кона заглянуть в прошлое, чтобы несколькими неприкрашенными фактами из истории борьбы за низвержение кровавого царского самодержавия ответить на вопрос международного значения: как держать себя на допросах, находясь в лапах у охранки и буржуазного суда.

В царстве победной и стремительной социалистической стройки многим казалось бы, пожалуй, естественным отмахнуться от воспоминаний о канувшей в прошлое исторической полосе, как от чего-то неинтересного и даже никому не нужного. В особенности молодежи, той молодежи, которая уверена в своем будущем, радуется ему и с энтузиазмом встречает занявшееся для человечества утро, торопя его приход социалистическим соревнованием и ударничеством. Как страшная повесть из стародавних времен, звучит для молодежи рассказ об утонченных насилиях, о хитросплетениях и кознях, которыми царские палачи пытались оградить царское самодержавие от сил революции. Целый новый мир отделяет нашу молодежь от этого прошлого — мир, созданный творцом-гигантом: Красным Октябрем. Пусть

2011096365

Мособллит № 14 088

Тираж 30000

Тип. изд-ва „Дер Эмес“, Москва, Покровка, 9. Зак. № 423

мертвые хоронят мертвых. Мы — живы, мы хотим полной горстью черпать из настоящего, из будущего.

Именно для них, живых, охваченных лихорадочной творчеством, обращается тов. Феликс Кон к воспоминаниям прошлого. Оно должно послужить связующим звеном, ясно осознанным и рождающим самоотверженную солидарность — между рвущимися вперед миллионами в Союзе Социалистических Советских Республик и еще большими миллионными армиями пролетариев и трудящихся, поднимающихся против эксплуатации и рабства в капиталистических государствах, в колониальных и полуколониальных странах, подстерегаемых, пытаемых, травимых господствующей сворой, ни в чем не уступающей по своей жестокости, хитрости, низости царским палачам со всеми ужасами их юридической и полицейской практики.

Какая перемена! В свое время либеральная буржуазия так называемых «культурных» стран со страстным негодованием клеймила методы, которыми охранялся режим кнута, олицетворяемый «царем-батюшкой» — клеймила, как позорящие цивилизацию остатки средневекового, азиатского варварства. Не было недостатка в добрых буржуазных голосах, которые из гнусности методов делали вывод о негодности системы правления. Буржуазное общество, как павлин, кичилось завоеваниями, которое оно принесло человечеству в области права и судопроизводства: обеспеченные конституцией права вместо произвола полиции и властей. Нет инквизиторских приемов, нет пыток, нет костров. Право защиты и человеческое обращение обеспечивается даже «уголовному преступнику», тем более — нарушившим закон политическим бойцам, мятежникам. Отныне и во веки веков их уже не будут мерять той же мерой, что взломщиков, воров и убийц. Чутко будут при-

слушиваться к внутренним мотивам их действий.

Это было когда-то. Возмущение либерализма злодеяниями царских живодеров было последним отзвуком битв, в которых буржуазия одолела феодальное общество и завоевала власть, как господствующий общественный класс. Теперь буржуазия в области права и правосудия сжигает то, чему она поклонялась, поклоняется тому, что уже было присуждено ею к сожжению.

Благодаря пролетарской революции, отягченный преступлениями царизм старой России со всеми страшными спутниками его господства стал страницей исторического прошлого. Но живейшей современностью являются ныне во всех странах высокого и высочайшего капиталистического развития проклятые буржуазией едва лишь полвека тому назад пережитки варварского феодализма. Отвратительнейшие и жесточайшие методы царизма счастливо воскресли из мертвых. Они имеют хождение, как естественнейшие средства борьбы с надвигающимся революционным переворотом.

Не одни только страны кровавого фашизма обратились к этим методам. Нет, они ежедневно применяются и в тех государствах, которые хвастают своей «совершенной демократией».

Картина не меняется от того, что Пилсудский, Муссолини или кто-либо другой повелевает, опираясь на неограниченную полноту власти, а Брюнинг при поддержке реформистских профессиональных и партийных вождей умоляет об уважении к «чрезвычайным декретам», по существу и по объему представляющим собою циничнейшую насмешку над народными правами и народными интересами.

Империалистическая бойня народов 1914—1918 гг. была знаменем того, что путь капитализма идет уже не вверх, а вниз.

Многообразные последствия мировой войны ускорили процесс его упадка. Неудержимо и чудовищно развиваются внутренние противоречия и противоположности, раздирающие его и неотделимые от его сущности. Это в особенности относится к великому непримиримому историческому противоречию между буржуазией и пролетариатом, между эксплуатируемыми и эксплуататорами, поработанными и поработителями. Частная собственность на средства производства означает хозяйство, построенное на прибыли и выгодное для немногих имущих, без учета нужд и потребностей огромного трудящегося большинства, означает необузданную анархию в области товарного производства. Стремительно обгоняющие друг друга кризисы с жестокой убедительностью освещают в сознании пролетариата и трудящихся масс действительное положение вещей.

При фантастически возросших производительных силах общества — падающая кривая потребления масс. Переполненные магазины и склады на глазах у миллионов бедствующих, голодающих, мерзнущих, бесприютных. Закрытые или сократившие производство предприятия и миллионные армии безработных работоспособных трудлюбивых пролетариев, служащих, чиновников — мужчин и женщин.

Множество малоимущих и средних крестьян и арендаторов, у которых кредиторы или власти забирают скромные запасы и последнюю корову. Растущие батальоны ремесленников, мелких коммерсантов, интеллигентов, без средств и без надежды блуждающих по улицам. Этого требуют интересы горсточки монополистов, трестовиков, от мановения руки которых зависит жизнь и смерть миллионов.

Грозные признаки упадка капиталистического хозяйства и буржуазного порядка будят сознание наемных рабов и данников капитализма. Они

начинают ощущать свою численность и не только спрашивать себя, должно ли так быть, но и начинают требовать: конец этому хозяйству, долой капитализм с его социальной неурядицей, с нагромождением социальной несправедливости.

Великие всемирно-исторические уроки Октября 1917 г. чем дальше, тем все меньше остаются пустыми словами для измученных трудящихся. Антикапиталистические массовые движения все более и более сплываются под коммунистическим руководством.

«За социализм, за коммунистическое социальное мироустройство, вперед к советской республике, по тяжкому, обильному жертвами пути мировой пролетарской революции!» — с этими будящими, собирающими, организующими и политически воспитывающими лозунгами, объединяясь и участвуя, массы идут на капитализм.

Перед этим натиском мечутся в страхе имущие и господствующие, обращаясь к средствам и методам борьбы царизма, некогда с презрением отвергнутым. Гнусные зверства, посредством которых пинкертоновские и фашистские банды Моргана и К° заставляют «образумиться» мятежных пролетариев, ничем не отличаются от отвратительных жестокостей царских казацких отрядов, которым поручалось усмирение революционных мятежников.

Чтобы в зародыше подавить замыслы и действия бунтовщиков, не задумываются предать Сакко и Ванцетти мукам сожжения на современном костре — электрическом стуле, предварительно подвергнув их на протяжении многих месяцев и лет физическим и моральным пыткам. Варрен Биллингс и Том Муни уже 15 лет терпят подобные пытки в подземельях калифорнийской тюрьмы, хотя их полная непричастность к покушению на поджигателей войны в Сан-Франциско дока-

зана с безупречной очевидностью. Оба они виновны в величайшем «преступлении» — в том, что организовали рабочих, вербуя их в профсоюзы и призывая к борьбе против могущественных предпринимательских организаций Калифорнии, которые не только грабили своих наемных рабов, но и обкрадывали общественные кассы.

Для успешной борьбы с массовым революционным движением капитализму уже не хватает собственных сил. Он должен думать о том, как повести массы на массы, т. е. натравить одну часть эксплуатируемых на другую. Массы, которые угрожают его могуществу своей беспощадной революционной классовой борьбой, он хочет подавить при помощи пролетарских трудящихся масс, все еще презящих о классовом мире и классовом братстве в границах единого «народа», в рамках демократии или национального государства.

Мировой капитализм не может организовать этот массовый обман при помощи горсти жалких негодяев и нескольких казацких полков, от жестокой расправы которых царизм ждал спасения на первой стадии революционного движения. Ему нужны такие вспомогательные силы, которые пользуются авторитетом в глазах масс, которые вызывают уважение, как доверенные лица. Только такие «авторитеты» могут внести смущение и замешательство в умы рабочих, могут обмануть и предать их доверие, усыпить просыпающуюся волю к борьбе и даже направить ее на контрреволюционные цели.

В качестве вождей политического и профсоюзного реформизма, выхолащивающего революционную боевую решимость масс, в качестве вождей фашизма, жестоко подавляющего борющихся и готовых к борьбе, эти «авторитеты» поддерживают капитализм, его прогнивший, лживый общественный строй, царство насильственного

массового грабежа. Пилсудский и Муссолини, прикрывая своей неограниченной властью варварскую жестокость властей по отношению к революционерам, поистине не действуют ни на волос предосудительней, чем Вельсы, Дитманы, Гильфердинги, Лейпарты, Гроссманы и Тарновы, которые клянутся демократией и защищают чрезвычайные декреты Гинденбурга-Брюннинга, декреты массового голода и ущемления всех народных прав. Социал-фашисты расчищают путь кровавому фашизму, который по подсказке обанкротившихся магнатов тяжелой индустрии, под руководством Гитлера, нагромождает один за другим террористические акты против классово-сознательных пролетариев.

Буржуазные властители нашего времени разрушили не только завоевания «правосудия» в современном буржуазном правовом государстве, — они разрушили правовую почву самого этого государства. Элементарные основные политические и личные права и свободы не применяются к классовым борцам. Последние подлежат действию исключительных законов. Жестокие факты, бесконечные жертвы наглядно показывают эксплуатируемым, что «право» буржуазного общества есть лишь сила эксплуататора под юридической личиной.

Исключительные законы и бесправие толкают широчайшие массы в подполье. Революционные массовые движения вынуждены дополнять свои легальные средства борьбы нелегальными. Опасности и жертвы множатся. Все быстрее и неудержимее растет разлив революционных массовых движений. Из вновь вливающихся элементов далеко не все ясно ориентируются в обстановке и понимают необходимость и значение конспиративных органов и методов борьбы: крайней осторожности в личных отношениях, строжайшей сдержанности в отношении подробностей неофи-

циальной жизни организаций, нерушимой дисциплины в отношении принятых решений.

Не у каждого из них есть достаточно физических и моральных сил, чтобы вопреки длительным и страшным пыткам не выдать конспиративную деятельность. Некоторые близоруко попадают в западню, расставленную ловким следователем или прокурором. Иные легкомысленной болтовней или пустым бахвальством грешат против заповеди сочетания легальной и нелегальной работы в формирующихся революционных движениях вне СССР.

В их ряды удастся прокрасться и сознательным предателям из лагеря фашизма и реформизма. С выразительной простотой и наглядностью Феликс Кон указывает в своей брошюре на кратко обрисованные здесь условия, в которых развиваются массовые революционные партии. В свете этих условий оправданным и глубоко значительным становится предостережение опытного революционного борца в форме воспоминаний об ошибках и тяжелых эпизодах боевого прошлого.

Если Феликс Кон из своего богатого революционного опыта извлекает горькие уроки прошлого, порою забытого прошлого, то в то же время он пробуждает воспоминание о высшей революционной верности своим убеждениям и революционной силе. И в самом деле. Слабые, не выдержавшие зверской пытки или попавшие в западню, расставленную царскими слугами, а тем более сознательные предатели были исключением. Неугасимым ореолом окружены имена мужчин и женщин, чье непоколебимое героическое мужество оставалось неизменным в самых опасных и мучительных положениях, когда неоткуда было ждать помощи и поддержки.

С энтузиазмом идущая вперед молодежь должна помнить в своем кипении и лихорадочной

жажде деятельности, что она — счастливая наследница бойцов и победителей Красного Октября. О ней сказал Гете:

*„Was du ererbt von deinen Vätern hast
Erwirb es um es zu besitzen“.*¹

В партийной и строительной работе молодежь будет беречь, умножать и развивать дорогое наследие большевиков. Согласно двойной задаче пролетарской революции — она будет создавать новые, высшие социальные условия и нового, выше стоящего социального человека, который творит эти условия, вооружившись зрелым знанием и крепкой волей, — человека, чувствующего, мыслящего и поступающего по-социалистически. Его лейтмотивом будет всегда напряженное чувство ответственности за коммунистическую формовку современности и будущности — чувство ответственности, глубоко и прочно коренящееся в сознании интернациональной общности судеб всех революционных бойцов и строителей. И в этом отношении молодежь СССР будет также поддержкой и опорой своих братьев и сестер на том берегу. Это ее интернациональный долг на сегодняшний день.

Брошюра Феликса Кона показывает нам, что если защитники умирающего мирового капитализма и его социального порядка прибегают к давно заклеянным варварским средствам и методам борьбы, то это явление — непреходящий спутник решительно наступающих международных революционных массовых движений. На часах мировой истории скоро пробьет тот час, когда первая и единственная страна социалистического строительства разрастется во Всемирный Союз Коммунистических Советских Республик. В свете этой сияющей перспективы воспоминания т. Кона дают нам ценный материал, вооружающий к междуна-

¹ «Наследие своих отцов возьми, чтобы владеть им».

родным революционным боям величайшего размаха и зрелости. Они указывают на международные массовые движения, которые под коммунистическим руководством прокладывают себе путь вперед, в направлении славного Красного Октября. Под знаком его и закончится начавшаяся мировая пролетарская революция.

Клара Цеткин

СОЦИАЛ-ФАШИСТЫ НА СЛУЖБЕ У ОХРАНКИ

«Куда, куда, куда вы удалились», те дни блаженства буржуазии, когда с парламентских трибун европейских государств, на собраниях и публичных митингах выступали либеральные, радикальные, социалистические и всякие другие ораторы и клеймили русское самодержавие, душившее у себя в стране всякое проявление не только бунта, но и малейшего недовольства?

То было время, когда буржуазия, уверенная, что ничто не угрожает ее классовому благополучию, считала более выгодным для себя не обнаруживать «волчьего зуба», так как при помощи «лисьего хвоста» можно было держать массы в повиновении. Жестокая, значительно превосходящая по жестокости царскую, расправа с рабочим классом во время Парижской Коммуны уже 61 год тому назад выявила, на что способна буржуазия, когда рабочий класс осмеливается выступить против ее единодержавного господства.

Коммуна была быстро подавлена. Буржуазия, убедившись, что ее могильщик еще не в силах бороться с ней, на целых восемнадцать лет спрятала свой «волчий зуб». Но уже при первом более серьезном, как ей казалось, выступлении рабочего класса она вновь его оскалила.

Это было в 1889 г., когда только-что созданным II Интернационалом на I конгрессе была принята резолюция о праздновании 1 мая. Встревов-

женное воображение буржуазии рисовало ей «неслыханные ужасы», «конец мира, катастрофу, подобную землетрясению». Все силы были ею мобилизованы для спасения от гибели. Все армии капиталистических стран, вся жандармерия и полиция были поставлены на ноги, чтобы в крови удушить проявление международной солидарности и общности интересов пролетариев всего мира. Буржуазия готовилась одним ударом покончить с революционным подъемом рабочих масс и вновь вернуть себе покой и уверенность в завтрашнем дне.

Но в то время, время возникновения II Интернационала, только собирались и организовывались силы миллионов пролетариев, и опасения буржуазии по тому времени были преждевременны. Первомайские демонстрации были только демонстрациями. Буржуазия убедилась на деле, что пугавшая ее грозная социал-демократия — по образному выражению французов — напоминала редиску: она только сверху была красной, внутри же была такой же белой, как сама буржуазия. И буржуазный рыбак вскоре разглядел социал-демократического рыбака не только издали, но и вблизи, и сумел использовать наружную красноту международного меньшевизма. Из врага социал-демократия превратилась в друга, союзника буржуазии и ее агента в рабочем классе.

Это обстоятельство имеет огромное значение. Ранее полиция могла только извне следить за рабочим движением, ныне в лице социал-демократов у нее агенты в н у т р и рабочего класса, при том агенты, которые ранее находились под одной партийной крышей с революционными рабочими, знают многих из них и своими знаниями помогают полиции вылавливать самых активных, самых деятельных борцов за освобождение рабочего класса.

Ранее служба в полиции считалась позором, ныне во всевозможных охранках — в английском

«Скотланд-Ярде», в польской «дефензиве», в румынской «сигуранце» — служат даже «именитые» социал-демократы, депутаты парламента, как Войцех Малиновский в Польше, повидимому позабывавший славу своего однофамильца, депутата в IV Думе, сделавшегося провокатором.

Само собой разумеется, что органическое слияние II Интернационала с полицейскими охранками всех стран значительно осложняет деятельность коммунистических партий, из рядов которых вследствие этого слияния полиции удаётся выхватывать активных членов, даже в таких странах, где коммунистическая партия формально существует легально и где, несмотря на легальность, аресты людей, конфискация изданий, разгон собраний сделались самым обыкновенным явлением.

Эта легальность не должна никого обманывать. Сегодня легальная компартия — завтра, как это было например в Италии, может быть объявлена нелегальной, и члены вчерашней легальной партии на другой же день оказываются за решеткой. Легальность компартий в буржуазных странах не только весьма условна, но и весьма и весьма зависит от степени обострения классовой борьбы. В странах, где эта борьба принимает более острый характер, компартии объявляются нелегальными и вынуждены уходить в подполье. Из этого следует определенный вывод. Даже при легальном существовании компартии и ее членам необходимо быть готовыми к переходу в подполье, нужно соблюдать конспиративность, сочетать легальную деятельность с нелегальной и нелегальную деятельность так организовать, чтобы в случае надобности нелегальный организационный аппарат мог работать бесперебойно.

Этот вопрос упирается в вопрос о конспирации — вопрос, для русских революционеров-подпольщиков давно решенный. Не то на Западе. Там об этой конспирации очень много говорится и пи-

шется, но сущность конспирации в странах, не переживших подполья, весьма мало усвоена.

КОНСПИРАЦИЯ ПРОТИВ ШПИОНАЖА

Сущность конспирации в значительной степени напоминает закон мимикрии, принятие окраски окружающего мира для того, чтобы врага сбить с толку и парализовать его удары.

В России в период т. н. «нигилизма» участника движения можно было сразу узнать по манерам, по одежде, по всему его поведению. Блуза, высокие сапоги, плед, шляпа с большими полями и толстушая палка, громовые речи, наплевательское отношение к установившимся обычаям и т. д. Понятно, полиции весьма легко было их вылавливать.

Но этот опыт был учтен, и уже «народовольцев» по внешнему виду нельзя было отличить от окружающей интеллигентской среды. Внешне они замаскировались до такой степени, что даже во дворце царя, где жандармы и полиция были особенно насторожены, Степан Халтурин избег обыска только потому, что прекрасно разыгрывал роль простачка, которого даже жандармерия не могла заподозрить в какой бы то ни было революционности. Не хуже законспирировалась казненная впоследствии по делу 1 (13) марта 1881 г. Софья Перовская, готовившая взрыв царского поезда, жившая в окружении раскольников-староверов и до такой степени сумевшая разыгрывать роль староверки, что соседи, заметившие, что к ней по ночам приезжают какие-то люди, были убеждены в том, что это сектанты, преследуемые полицией и поэтому появлявшиеся только под покровом ночи.

Такую конспиративность должен в буржуазных странах соблюдать и коммунист. Но при этом — а это бывает — нельзя средства отождествлять с целью. Конспирация — это только средство, и нельзя перед массами выступить несоответст-

венно идеологии коммунизма только для того, чтобы соблюсти конспирацию. Если слово коммуниста из-за конспирации может быть ложно истолковано или получит неправильное преломление в головах слушателей рабочих и крестьян, то конспирация должна быть отброшена. Конспирация для дела, а не дело для конспирации.

Но кроме внешней маскировки, необходимой в обстановке революционной работы по отношению к классовому врагу, нашим товарищам в буржуазных странах приходится даже по отношению к товарищам по работе соблюдать определенные правила конспирации. Как бы хорошо ни относиться к товарищу, каким бы доверием он ни пользовался, ему нельзя сообщать ничего из того, что не относится к его работе. Во многих странах на допросах пытаются. Можно ли поручиться, что человек, раз он вступил на путь революции, будет таким, каким должен быть, выдержит пытки и не расскажет полиции на допросе того, что знает? Можно ли поручиться, что человек не проболтается перед другом? Можно ли, наконец настолько полагаться на свое знание людей, чтобы сообщением ненужных им для работы сведений ставить под удар и людей и работу?

По делу «Пролетариата» на заре революционного движения в Польше был арестован студент Станислав Пацановский, мой товарищ еще по гимназии. На воле он был одним из энергичнейших людей и, как всем казалось, преданнейшим делу, а когда его арестовали и пригрозили виселицей, он, спасая свою шкуру, выдал всех и все, и только на основании его показаний был казнен рабочий Ян Патрусинский.

Но вот другой пример, еще более характерный, относящийся к несомненно честному человеку, но крайне нервному и не рассчитавшему своих сил на трудном пути, — Агафону Загурскому, арестованному по делу того же «Пролетариата».

Его, бежавшего из тогдашнего Петербурга, давно разыскивала полиция, и он, прячась от нее, переезжал из одного города в другой, сегодня ночуя у знакомого, завтра в вагоне железной дороги, послезавтра скитаясь всю ночь по городу за неимением ночлега. Это вконец измотало его нервы. Он попался в руки жандармов, и последние, заметив его нервное состояние, весьма умело и успешно воспользовались этим.

За два месяца до этого народовольцами Конашевичем и Стародворским был убит инициатор провокации в России — инспектор департамента полиции Судейкин. Оба участника этого убийства были уже известны полиции и арестованы. Но это обстоятельство не служило препятствием для жандармов, и они обвинили Загурского в убийстве Судейкина. Расчет жандармов оказался верным. Посаженный в одиночку, Загурский сошел с ума именно на почве этого обвинения. Желание доказать, что он не убийца Судейкина, превратилось у него в манию. Каждое его показание начиналось со слов: «Я не убийца Судейкина», а затем в подтверждение этого приводились данные, где он был и что делал в момент убийства Судейкина.

Жандармам только это и нужно было. При каждой названной Загурским квартире они ставили шпионов и таким путем проследили всю руководящую головку партии. Рассчитывая выжать у него как можно больше сведений, жандармы напирали на него и довели Загурского в конце концов до буйного умопомешательства. Его еще некоторое время продолжали держать в тюрьме, но когда он стал бросаться на людей, его пришлось освободить из тюрьмы на поруки отцу. На воле Загурский в припадке умоисступления зарезался.

Из-за его сумасшествия вся головка партии была арестована, все адреса, конспиративные квартиры, подпольные типографии, склады изданий были провалены.

И вот первый вопрос: нужно ли было Загурскому, работавшему в нелегальной типографии, знать людей, непричастных к типографии, иметь сведения о том, что они делают, где собираются и т. д.? Эти сведения сообщались ему безо всякой надобности, просто «по-товарищески»: как же от товарищей таить? Не будь же этого — жандармы могли бы обнаружить только типографию и работавших в ней товарищей.

Огромные жертвы, вызванные показаниями Загурского, обусловились и тем, что он вообще давал показания. Откажись он от всяких объяснений, жандармы не имели бы даже возможности предъявить ему заведомо ложное обвинение.

Оба приведенные нами случая более или менее исключительные. Но только «более или менее». В настоящее время, когда число безработных достигло 40 миллионов, когда зашевелилось и крестьянство, когда угнетенные страны, колонии и полукolonии все более и более разгораются огнем борьбы, людей, примыкающих к революционному движению — миллионы, десятки миллионов. Но людей, активно участвующих в национальных революционных организациях и даже в компартиях, отдающих себе отчет в том, что «борьба жертв искупительных просит», что за принадлежность к революционной организации и в особенности к компартии угрожает тюрьма, каторжные работы, а часто и смерть — весьма мало. Эти деятели часто отдают себе отчет в угрожающей опасности, когда они уже за решеткой.

Крепкие и стойкие революционеры выдерживают тюремные пытки, слабые же и неустойчивые ценой жизни других и ценой собственного позора пытаются спасти свою жизнь и делаются предателями.

Нередки и случаи, когда тюрьма и допросы сводят людей с ума.

Со всем этим приходится нашим товарищам считаться.

ДЕСЯТЬ «ЗАПОВЕДЕЙ» КОНСПИРАЦИИ

Но и помимо этих исключительных явлений, есть сотни и тысячи случаев, когда люди безусловной преданности делу партии и революционного движения приносят огромный вред организации, товарищам по делу и самим себе из-за своей неосторожности, неконспиративности, из-за неумения вести себя на следствии, часто даже из-за самомнения и самонадеянности.

История русского подполья знает не мало такого рода явления. Я приведу только несколько более характерных случаев, отображающих приемы полиции, использующей доверчивость революционеров. Лет 50 назад, когда полицией только еще вырабатывались ее приемы, когда система шпионажа и провокации еще не была доведена до такого совершенства, как в настоящее время, в капиталистических странах одним из самых обычных приемов жандармов было запугивание арестованных революционеров теми ужасами, какие их ожидают за их революционную деятельность, и торжественное обещание полнейшей свободы, если арестованный чисто-сердечно сознается в своих грехах. При этом жандармы клялись, что тайна следствия, как тайна исповеди, нерушима. Наряду с этим жандармские следователи, жонглируя теми крохотными сведениями, какие у них были, уговаривали допрашиваемых — не ради полиции, а ради себя и своей семьи — из-за одной формальности не жертвовать своей свободой. Только и з-з а ф о р м а л ь н о с т и, так как и без показаний допрашиваемого «им все известно».

Само собой разумеется, что от большинства арестованных жандармы получали должную отповедь, иной раз заставлявшую инквизиторов даже ретироваться, но находились и такие, которые

подтверждали в своих показаниях уже имевшиеся у жандармов сведения.

С этого момента они погибали. Угрозой тем или иным способом оповестить революционеров об откровенных показаниях, сделанных допрашиваемым, и этим опозорить его, жандармы постепенно, слово за словом, вытягивали из допрашиваемого все новые и новые сведения. Когда жертва была уже достаточно использована, то, если она представляла ценность, которая может помочь полиции в дальнейшем выслеживании революционеров, ей предлагалось прямо перейти на службу в охранку, вновь войти в революционную работу и о каждом шаге революционеров осведомлять полицию.

Но если бы человека, принимавшего до ареста более или менее серьезное участие в движении, вдруг ни с того, ни с сего освободили без всяких последствий из тюрьмы, то это могло бы навлечь на него подозрение партии. Во избежание этого, жандармы, как это было с провокатором Сергеем Дегаевым, устраивали развращенному ими и поступившему к ним на службу предателю фиктивный побег с тем, чтобы он мог вернуться в революционную семью, окруженный славой дельного товарища, не только сумевшего ускользнуть из рук жандармов, но и явившегося немедленно вновь на работу.

В случае с Дегаевым товарищи попались на эту удочку. Дегаев был вне подозрений. Ему сообщалось обо всех революционных делах по всей стране, а он осведомлял обо всем этом инспектора департамента полиции. Тысячи людей были им преданы и так искусно, что он оставался вне подозрений.

Но, как оказалось впоследствии, его поведение во многих отношениях все же должно было наводить на подозрение. Прежде всего самый побег. Убежать в пути из-под караула, не вызы-

вая при этом никакого шума, никакой тревоги, никакой погони,—это явление небывалое. Но товарищи не проверили, как был совершен этот побег, и, радуясь самому факту побега, признали Дегаева опытным и ловким конспиратором.

Далее, во всем, что ни предпринимал Дегаев, он добивался необыкновенного успеха. Нужна подпольная типография — он добывает типографский станок, шрифт и т. д. Нужна бумага для печатания — и ее доставляет без особых затруднений Дегаев. То же с паспортами, с адресами, с конспиративными квартирами.

И никому не пришло в голову заинтересоваться тем, почему ему, нелегальному, а следовательно вынужденному скрываться и быть сугубо осторожным, тем более, что у шпионов должна была быть его фотографическая карточка, удастся добыть то, чего не удастся другим, легальным, поддерживающим связь с теми кругами, где можно было все это получить.

В данном случае беспечность революционеров и их доверчивость облегчала работу провокатора. Эту беспечность, присущую многим товарищам, ведущим в наше время работу в странах капитала, им необходимо изжить, также как необходимо им искоренить в себе целый ряд черт, при других условиях весьма положительных.

Уверенность в себе, в своих силах — черта несомненно положительная, но самонадеянность, самоуверенность, не учитывающая условий подпольной работы, весьма часто оказывалась губительной и для организации и для самого человека.

Характернейшим примером этого может служить преданнейший делу революционер, друг Карла Маркса, опытейший организатор — Герман Лопатин. Ему пришлось восстанавливать организацию партии «Народной Воли» после массовых арестов, вызванных провокаторством Дегаева. Как организатор, он с задачей справился. По

всей стране были восстановлены кружки, в каждом кружке были установлены лица для связи, шифр для переписки, псевдонимы (клички) деятелей, адреса, конспиративные квартиры.

Запомнить все это нельзя было, и Лопатин записывал все нужные сведения на бумажке с тем, чтобы впоследствии их зашифровать. Он надеялся на себя и был уверен, что в случае внезапного ареста он сумеет эти бумажки уничтожить. Днем в то время аресты не производились, и Лопатин был вполне уверен в своей безопасности. Но полиция уже за ним следила и схватила его на улице при белом свете. Лопатин не растерялся. Вырвавшись из рук полиции, он в один момент выхватил бумажки из кармана и сунул их в рот, чтобы проглотить. Но жандарм схватил его за горло так, что он потерял сознание.

Записки оказались в руках охранки. Результаты этого были ужасны. Сотни людей были арестованы. «Дегаев воткнул нож в спину партии, — говорили тогда, — а Лопатин его повернул».

Случай с Лопатиным весьма поучителен для товарищей за пределами СССР. Он доказывает, как предусмотрителен и осторожен должен быть каждый революционер. Никаких незашифрованных записей, никаких бумажек, заметок, ничего, что, попав в руки полиции, могло бы ей облегчить разгром организации.

Недостаточно и зашифровать. Необходимо так зашифровать, чтобы невозможно было без ключа расшифровать, причем ключ к расшифровке должен держаться в памяти. Он нигде не должен быть записан.

До какой степени необходимо в этом отношении соблюдать величайшую конспиративность и осторожность, свидетельствует следующий факт. Во время ареста Петра Бардовского, казненного впоследствии по делу партии «Пролетарнат», жандармами была взята книга, в которой между

строк химическими чернилами были зашифрованы необходимые для партии сведения. То ли кое-где потемнели записи, то ли по другой причине, но жандармы обратили внимание на эту книгу, смочили ее полутораклористым железом и затем обнаруженную зашифрованную запись передали для расшифровки в специальный шифровальный отдел департамента полиции. Шифр — довольно примитивный — был установлен, и вся запись была расшифрована.

Вывод из этого напрашивается сам собой. К шифру необходимо относиться как можно внимательнее, комбинировать его так, чтобы абсолютно нельзя было его расшифровать. Между тем — беспечность в этом отношении далеко не изжитая, в особенности товарищами, не пережившими подполья. Многие до сих пор убеждены, что если запись зашифрована — все равно, каким ключом — то этим секретность ее окончательно обеспечена.

Это не так. Пишущему эти строки, когда он сидел в одиночном заключении в крепости и был совершенно изолирован от товарищей по заключению, удалось после долгих наблюдений найти в укромном месте зашифрованную записку одного из заключенных к другому. Захватив с собой в камеру эту записку, он в течение одного дня ее расшифровал и, присоединив от себя этим же ключом зашифрованную записку, установил связь с товарищами. Это удалось только потому, что шифр был весьма несложный. Полицейские специалисты расшифровывают и более сложные шифры.

Еще более важное значение имеет для подпольного работника точное установление того, следят ли за ним или нет. Обыкновенно к этому вопросу малоопытные революционеры относятся самонадеянно, легкомысленно. Оглянувшись раз другой, установил, что никто за ним не идет по

стопам, и решив, что никакой слежки нет, ходит он от одного товарища к другому, на свидания, на конспиративные квартиры и дает возможность шпионам проследить всю организацию. Это легкомыслие вызвано совершенно превратным представлением о приемах полиции.

Шпионаж — надо отдать справедливость полиции всех буржуазных стран — теперь организован ею по всем правилам искусства.

Здесь и мнимые извозчики, мелкие уличные торговцы и торговки, мальчишки-газетчики, передающие на ходу друг другу наблюдаемого, и постоянные наблюдения за квартирами, но не с улицы, а из специально нанятой для этого на противоположной стороне улицы квартиры и т. д. С внешним шпионажем приходится нашим товарищам за границей самым серьезным образом считаться.

Пишущий эти строки, имея за собой уже многолетний опыт, продержался на свободе в самые бурные революционные годы 1904 — 1906 только благодаря тому, что от времени до времени он исчезал из города, в котором работал, появляясь вновь с другим паспортом, или нанимал квартиру в другой части города, изменяя при этом свою наружность до неузнаваемости. Это спасало от шпионов, но, конечно, не могло спасти от провокаторов.

Само собой разумеется, что различные особенности в каждой стране обуславливают и поведение членов нелегальных и полуполигальных организаций, но известный минимум предосторожностей обязателен при всяких обстоятельствах, в особенности в виду практикуемых в последнее время «цивилизованными» странами физических пыток. Этот минимум сводится к следующему:

1. Без надобности не говорить ни о своей деятельности, ни о деятельности товарищей не только посторонним, но и товарищам по работе.

За исключением облеченных доверием партии руководящих ее членов, никто не должен знать больше того, что ему необходимо для партийной работы.

2. Тщательно проверять партийный состав, учитывая практикуемую полицией систему провокаторства.

3. Остерегаться социал-демократии, как агентуры не только буржуазии, но и полиции, в рабочем классе.

4. Всевозможные записи и записки свести до минимума и тщательно их зашифровывать.

5. Ключ шифра держать в памяти.

6. С особой осторожностью вести сношения с освобожденными из тюремного заключения, которых часто освобождают для того, чтобы, следя за ними, проследить других.

7. Быть всегда подготовленным к обыску и аресту.

8. Наблюдать за квартирами, находящимися на противоположной стороне улицы против конспиративных квартир или квартир, занимаемых коммунистами.

9. Внимательно наблюдать, нет ли слежки, обращая внимание не только на следующих сзади, но и на встречных и находящихся на другой стороне улицы.

10. Нелегальным, т. е. живущим не под своим именем, по возможности чаще менять паспорта и квартиры.

В ОЖИДАНИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО АРЕСТА

Эти десять заповедей являются тем минимумом, при несоблюдении которого неизбежны жесточайшие провалы. Они усваиваются работающими в подполье товарищами, но очень медленно. Нельзя все же забывать, что даже самое аккуратное соблюдение конспирации не может предохранить

от ареста. Можно продержаться более или менее продолжительное время, но избежать ареста в 99 случаях из 100 — нельзя. Это объясняется соотношением сил. Полицейский аппарат, располагающий социал-демократией, как своей агентурой, при поддержке не только всего государственного аппарата, но и господствующего класса, использующий социал-демократию, как свою агентуру, имеющий возможность пользоваться услугами не только платных агентов и добровольцев, но и использующий слабость, неосторожность и бесхарактерность — ведь и рабочая семья не безурода — принимающих участие в движении в определенный период, предшествующий массовому выступлению пролетариата, — этот полицейский аппарат сильнее нелегальной партийной организации, вынужденной работать в подполье. При таких условиях аресты неизбежны, и с ними приходится заранее считаться и заблаговременно принимать меры к тому, чтобы провал одного человека не повлек за собой провала других.

Некоторые меры предосторожности выработаны практикой русского революционного подполья.

Одной из этих мер была сигнализация.

В начале революционного движения нередко были случаи, когда революционеры попадались в руки жандармов из-за того, что беспечно приходили на квартиру товарища, у которого в это время происходил обыск или когда уже после обыска была устроена засада. Наученные горьким опытом, революционеры стали на окнах квартир ставить сигналы безопасности, отсутствие которых свидетельствовало о том, что в квартире неблагополучно.

Но часто случалось, что полиция врывается в квартиру внезапно, и схваченный ею революционер не успевал снять сигнал. Тогда была придумана

мана особая сигнализация. К стеклу окна при-
слонялось какое-нибудь подпольное издание, ко-
торое жандармы хватали, как вещественную ули-
ку, и этим было достигнуто то, что сами жандар-
мы снимали с окна сигнал безопасности.

Само собой разумеется, что арестованный —
если не касаться его поведения на дознании, след-
ствии и суде, о чем будет речь ниже — ничего
другого для безопасности товарищей и всей орга-
низации предпринять не в состоянии. Другое
дело — товарищи, оставшиеся на свободе, узнав-
шие тем или иным путем об аресте товарища.
Если его арестовывали на улице, им в первую
очередь приходится озаботиться об очистке его
квартиры от каких бы то ни было могущих ули-
чить его документов.

По делу «Пролетариата» была арестована на
улице Александра Ентыс. Узнавшая об ее арес-
те Витольда Карпович-Рехневская немедленно с
одним из товарищей поехала на ее квартиру и
увезла типографию за несколько минут до появ-
ления жандармов на квартире Ентыс. Из этого
товарищи должны сделать определенный практи-
ческий вывод: арестованный на улице как можно
дольше должен скрывать от полиции свою фами-
лию и адрес и этим дать возможность товари-
щам произвести операцию очистки его квар-
тиры.

Это правило, когда я, лет 50 назад, только
начинал свою революционную работу, выполня-
лось чуть ли не с математической точностью. На
свидания или собрания товарищи должны были
являться без малейшего запоздания. Если кто
запаздывал на 15—20 минут, то считалось, что он
арестован, и квартира его подвергалась чистке:
все бумаги сжигались.

Арест революционера в его же квартире рав-
ным образом требует принятия соответственных

мер. Все бывавшие в этой квартире должны быть
немедленно оповещены об его аресте, так как ни-
когда нельзя ручаться, что за квартирой не было
слежки и что посещавшие данную квартиру рав-
ным образом не будут арестованы. Более ответ-
ственные товарищи, выполняющие руководящую
роль в организации, в таких случаях не ограни-
чиваются одной лишь очисткой квартиры. Они
скрываются на несколько дней с тем, чтобы в
случае, если полиция нагрянет на их квартиру,
перейти на нелегальное положение и переехать
под другой фамилией в другую часть города или
в другой город.

Судя по опыту русского революционного под-
полья, полиция избегает в принципе единичных
арестов, отступая от этого принципа лишь в тех
случаях, когда ей удастся захватить одного из
руководящих членов организации. Как правило,
она пользуется добытыми сведениями о револю-
ционере, чтобы следить за ним, этой слежкой об-
наружить других и уже после продолжительной
слежки произвести массовые аресты, включая в то
число и так называемых сочувствующих, но не
принимающих непосредственного участия в рево-
люционной работе, рассчитывая соответственным
нажимом и запугиванием на дознании добыть от
них сведения о более активных партийных работ-
никах.

Это обстоятельство имеет огромное значение.
Этими мелкими данными, добытыми от менее
устойчивых, либо случайно попавшихся, полиция
при допросах очень искусно жонглирует с опре-
деленной целью вселить в допрашиваемого убеж-
дение, что ей «все известно», что она несколько
не нуждается в его показаниях для раскрытия
дела, что, уговаривая его сознаться, она лишь
ему предоставляет возможность смягчить «чисто-
сердечными показаниями» угрожающее ему нака-
зание.

В СЕТЯХ СЛЕДСТВИЯ

Знаменитый польский поэт Адам Мицкевич, испытавший на себе прелести тюрьмы и допроса, говоря о следствии, характеризует его:

«Хуже палок — следствие».

Хуже палок, хуже побоев. Малейшая неосторожность — и страдает то дело, за которое человек боролся, не говоря уже о личном самочувствии человека, преданного делу и своей неосторожностью нанесшего ему часто непоправимый вред.

И несмотря на это, весьма многие самонадеянно-легкомысленно относятся к следствию, уверенные в том, что им удастся провести допрашиваемого. Они думают, что если они, заранее сговорившись с другими, составят план защиты, то этим достигнут цели. И они дают заранее продуманные показания. А полиция, сопоставляя показания одних с показаниями других, ловко вылавливая отдельные моменты из разных показаний, составляет из этих отдельных штрихов полную картину происходившего и ловит новых товарищей. Провести допрашиваемого весьма трудно. Думаящие это глубоко заблуждаются.

Допрашиваемый изолирован от всего мира, а допрашивающий располагает и агентурными сведениями, и показаниями домохозяек, дворников, прислуги, соквартирантов и т. д. и т. п. и добытыми от других арестованных данными. Полиция всего, конечно, не знает и знать не может, но кое-что — а иной раз и многое — знает и этими сведениями пользуется для того, чтобы по возможности узнать и раскрыть все. Человек, не знающий, что известно и что неизвестно полиции, легко может быть сбит с толку ловким, вопросом производящих дознание, в течение целого ряда лет специализировавшихся на этом деле.

Вот несколько примерных вопросов, на которых следователи ловили допрашиваемых:

«Не вели ли вы агитации среди рабочих, делая упор на чинимые полицией безобразия?»

«Нет», — следовал ответ...

Следовательно, одно вы уже признали: агитацию вели, но упора на безобразия полиции не делали.

Допрашиваемый после этого настаивает на том, что он вообще агитации не вел. Но это уже поздно. Он уже пойман, и следователь дальше ведет свое дело: «А такой-то утверждает, что вы вели агитацию» и т. д. «Нечего запираяться, нами без вашего признания все известно о вашей агитационной работе».

Другой пример. Арестованному показывают карточку погибшего впоследствии в Шлиссельбургской крепости основателя и идеолога партии «Пролетариат» Людвиг Варынского, известного тогда всем мало-мальски причастным к революционному движению. «Нет, не знаю», — отвечает допрашиваемый. «А по наслышке?»

По наслышке в то время Варынского нельзя было не знать, но допрашивавший не назвал его фамилии, рассчитывая на вполне естественный ответ: «По наслышке знаю», чем уличил бы, что допрашиваемый знает Варынского в лицо. На этот раз сорвалось, допрашиваемый не попался и холодно спросил: «А как фамилия этого господина?» — на что, конечно, не получил никакого ответа.

Но эти примеры указывают на одно очень важное обстоятельство. Следователь готовится заранее к допросу и готовится к нему, изолируя свои способности и остроумие на том, как поймать допрашиваемого, в то время как допрашиваемый каждым вопросом застигается врасплох. При этом положение сторон далеко не одинаково. Опытный следователь всегда спокоен и

хладнокровен, ему нечего волноваться: в крайнем случае ему придется ограничиться добытыми другим путем данными. В совершенно другом положении допрашиваемый. Он не может не волноваться и не тревожиться за судьбы организации. Малейшее сведение, ставшее достоянием полиции и для целей сыска, сообщенное ему в процессе допроса, не может его не волновать. Так как от нервничающего человека легче ловким вопросом выудить нужные жандармам сведения, то следователи употребляют все усилия, чтобы довести допрашиваемого до напряженно-нервного состояния.

К пишущему эти строки явился в 1884 г. в камеру X павильона Варшавской цитадели прокурор Варшавской судебной палаты фон-Турау. Первое его заявление было: «Не беспокойтесь, я знаю, что вы отказались от дачи показаний, и отнюдь не удивляюсь этому. Человек действовал по убеждению и ни с того, ни с сего, только вследствие того, что его арестовали, не станет своими показаниями разрушать то, ради чего, жертвуя собой, действовал».

Все это было сказано мягким, задушевым голосом. «Я вас понимаю, иначе нельзя вам поступить»,—повторял он неоднократно. Но я был настороже, не признавая «данайцев, хотя бы и приносящих дары».

«И я бы вас не тревожил своим посещением,—продолжал он вкрадчиво,—если бы не одно обстоятельство, о котором я считаю своим долгом довести до вашего сведения. Вы знаете: лес рубят, щепки летят. При массовых арестах бывают и ошибки, арестуют и ни в чем неповинных, против которых имеются кое-какие улики, которые впоследствии в процессе дознания могут рассеяться».

Я слушал его, не прерывая.

«И вот дело касается близкого вам человека,

скажу прямо — вашей матери. Имеются улики, что она была кассиром партии, и необходимо, чтобы вы рассеяли эти улики своими показаниями. Она арестована, и до дачи вами показаний ее нельзя будет освободить».

Фон-Турау довел тогда меня до нервного состояния, но не такого, какого он ожидал. Мне было тогда всего 20 лет, темперамент у меня был горячий, и в один момент в моих руках оказалась табуретка, и прокурорский сладкопевец улепетывал из моей камеры с криками: «Сумасшедший!..».

Это была только прелюдия. С тех пор каждые несколько дней меня спрашивали, не надумал ли я дать показания, и уходили, делая одно и то же заявление: «Вам не жаль своей родной матери, так нам чего ее жалеть!.. Пусть сидит».

В действительности мать вовсе не была арестована. Это был только прием довести подследственного до определенного состояния и вынудить его к даче показаний.

Всех приемов полиции, употребляемых при допросах, перечислить нельзя: каждый полицейский изобретает свои индивидуальные приемы. Но безошибочно можно установить одно: первоначальные допросы преследуют определенную цель — узнать допрашиваемого с тем, чтобы пугливых запугивать, болтливых потянуть за язык, у самолюбивых — играть на их самолюбии.

«Вам товарищи по партии не доверяли, вы были только слепым орудием в их руках, а в тайны партии вас не посвящали и теперь смеются над вами, а вы из-за них лишились свободы и не хотите ничего говорить о тех, кто вас подвел». Этот прием рассчитан на задетое самолюбие допрашиваемых. Трусливых ловят так, как изловили Загурского, о котором я писал выше.

С болтливými вступают в разговоры о невозможности «свержения такого могущественного строя, как капитализм, в особенности в данное вре-

мя. Это дело далекого будущего». Если допрашиваемый начинает опровергать допрашивающего, последний немедленно использует это: «А ваш товарищ, — при этом называется фамилия, — уже осознал это и раскаялся».

Такой разговор рассчитан на то, что и тут последует опровержение, что такой-то не мог раскаться, а этим будет установлено знакомство допрашиваемого с названным лицом, и — что еще важнее для следователя — допрашиваемый, сам того не подозревая, дает нужную полиции характеристику другого лица.

Дальнейшее — уже дело следовательской техники. Сообщение допрашиваемого не только показывается заинтересованному лицу для того, чтобы от него выудить показания, но служит для застрашивания неосторожного болтуна: «Можете больше не показывать, но если вы не дадите откровенных чистосердечных показаний, вашим товарищам будет известно о данных уже вами показаниях».

„ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ОТ ПОКАЗАНИЙ“

Мы остановились на некоторых приемах полиции; мы могли бы привести сотни других, но это излишне. Важен лишь вывод, еще далеко не осознанный многими заграничными товарищами, хотя давно сделанный русскими революционерами времен подполья. Чуть ли не во всех подпольных изданиях, как директива, красовался лозунг: «Товарищи, отказывайтесь от показаний».

Юридически этот отказ ни в какой мере не может быть рассматриваем, как признание вины. Но это — надо сказать — только юридически. Как известно, буржуазная Фемида¹ только притворя-

¹ Греческая богиня правосудия, изображавшаяся с повязкой на глазах и с чашкой весов в руках.

ется слепой, а как только дело коснется классовых интересов буржуазии, повязка с ее глаз падает, она становится зрячей и — согласно правилу: «закон что дышло, куда ни повернешь — туда и вышло» — поворачивает закон против отказывающегося от показаний.

Но что в сущности можно сделать с отказавшимся? Подвергнуть определенным лишениям: отнять книги, как делали русские жандармы, лишить свиданий и возможности переписки с родными. Все это в сущности пустяки по сравнению с теми положительными результатами, какие дает отказ от показаний.

Отказ прежде всего дает спокойную уверенность арестованному, что он никаким неосторожным словом не повредит ни партии, ни товарищам. Затем он избавляет арестованного от самого тягостного в тюрьме: от встреч и бесед с охранниками, подкарауливающими каждое его слово, наблюдающими за каждым его движением, за его выражением лица при сообщении ему данных, о которых он не ожидал, что они известны полиции. Отказ избавляет его и от встречи с людьми, которые строят свою карьеру на успехе в выпытывании и в выуживании сведений от привлеченных к ответственности революционеров.

Но есть еще один момент, вполне достаточный для того, чтобы все без исключения арестованные отказывались от показаний. До тех пор пока одни дают показания, в то время как другие отказываются от них, у полиции, естественно, есть верное основание делить арестованных на категории: отказываются заправские революционеры, дают показания менее стойкие, и на последних-то следователи и нажимают.

Отсюда прямой вывод: дающий показания косвенно, сам того не желая, указывает на отказывающихся от показаний, как на руководителей. Возражение, что никто ответственным работникам

организации не препятствует в даче показаний, совершенно неверно. Препятствует сознание ответственности перед организацией за каждый шаг, сознание, что его роль в организации может быть обнаружена. Каково будет тогда его положение — положение идейного и организационного руководителя, унизившегося до объяснений с полицией, в сущности презираемой, хотя и используемой самой буржуазией! Нет, ответственный партийный работник не может и не должен давать показаний, как не должен их давать рядовой товарищ.

Лозунг «Отказывайтесь от показаний» остается в силе для всех революционеров всех буржуазных стран.

В царской России, где дознание и следствие велось с соблюдением величайшей секретности, арестованный не смел даже мечтать о совещании с адвокатом. Защита допускалась только с момента вручения привлеченному к суду обвинительного акта. Во многих буржуазных странах совещания с защитником допускаются и во время следствия. Этим довольно часто пользуются, обращая, конечно, при этом внимание на выбор защитника, помня, что при обостренной классовой борьбе иной адвокат может оказаться ярким защитником капиталистического строя и, вместо юридической помощи, может своим советом способствовать полиции в ее работе.

Он может советовать сознаться во всем, прельщая перспективой освобождения из тюрьмы; он может, несмотря на обязанность блюсти тайну своих бесед с обвиняемым, сообщать в охранку сделавшиеся ему известными данные. Вполне установлены случаи, когда священники, из-за классовых побуждений, передавали полиции данные, сообщенные им на исповеди. Делают это и адвокаты, и поэтому выбор надежного защитника имеет огромное значение. Через него можно переда-

вать на волю данные, могущие предохранить товарищей по партии от арестов, сообщать об изменивших партии, разоблачать формально воспрещенные законом приемы современной инквизиции.

Контакт с защитником, хотя и в слабой степени, может воздействовать на произвол полиции. Бывали случаи, встречающиеся в настоящее время в виду все более и более обостряющейся классовой борьбы все реже и реже, что вызванное действиями полиции негодование принимает такие размеры, что правительствам приходится с ним считаться, и не по уму ретивые охранники-инквизиторы получают отставку.

Из приведенного видно, что при бережном выборе защитника его участие в деле во всяком случае не вредит, а кое в чем в состоянии помочь. Само собой разумеется, что мы не говорим о таких странах, как Польша, Румыния, Италия и им подобные, где физические пытки, превосходящие пытки средневековья, введены в систему.

Но и в этих странах дача показаний не освобождает от пыток, а наоборот — поощряет к ним, так как полиция надеется от человека, который сдрейфил с самого начала, пытками дознаться о всем ему известном. От человека же, стойко держащегося с самого начала следствия, у нее нет надежды даже при помощи пыток добиться показаний.

Судя по тем сведениям, какие имеются по этому вопросу, полиция пытается слабых, надеющихся дачей требуемых показаний избавиться от пыток, как только их к ним начали применять. Результат этого — прямо противоположный тому, какой ожидался пытаемым. Пытка продолжается именно потому, что она в начальной стадии увенчалась для полиции успехом.

Часто слышатся оправдания: выдал, физических пыток не выдержал. Это не оправдание. Нет

таких пыток, которых бы стойкий революционер не мог выдержать. Но наряду с этим — и это уже начинает проникать в сознание заграничных товарищей — нужно поднять борьбу с этими варварскими приемами допроса. Им надо придавать огласку. Надо, сговорившись предварительно с товарищами на воле, организовывать протесты. Надо, чтобы одновременно с объявлениями голодовки в тюрьме, происходили на воле массовые демонстрации протеста. Кое-где это уже делается, и в этих случаях и голодовки принимают другой характер: массы демонстративно проявляют солидарность с заключенными. Это превращается в силу, революционизирующую массы, а с этим буржуазия будет вынуждена считаться.

Практикуемое в последнее время искусственное кормление голодающих мало действительно. Искусственно кормить изо дня в день сотни людей немисливо, а допустить до смерти сотен политзаключенных буржуазии просто невыгодно, так как отклик в массах на эти смерти может оказаться для господствующего класса опасным.

Мы, говоря о следствии, делали упор на необходимость отказываться от показаний. Это лучшее средство. Но независимо от этого каждому арестованному необходимо осознать, что:

1) всякое показание, данное полиции, об организации и ее деятельности — измена рабочему движению;

2) такая же измена — подтверждение данных, известных полиции;

3) такая же измена — признание знакомства с товарищем по работе и всякое указание, сделанное полиции.

Обо всем этом необходимо говорить, так как в последнее время нередко случаи отказа людей на суде от показаний, данных на следствии, из чего следует, что эти основные правила поведения на следствии не соблюдались.

Не говоря уже о том, что должны переживать люди, вынужденные отказываться от своих собственных, скрепленных официально их подписью показаний, нельзя все же обойти более существенный и важный момент. Надо учесть, как отрицательно преломляется в сознании масс известие о том, что революционеры, звавшие их на борьбу, в столкновении с врагом сдрейфили, сказали то, чего нельзя было говорить врагу, и только на суде, когда уже поздно, когда записанного в протокол не вычеркнешь, не уничтожишь, пытаются смягчить и ослабить нанесенный вред.

Уже одно это соображение, один учет того, как будет воспринято рабочими массами их поведение на следствии, должно побудить попавших в плен к врагу строго придерживаться правила: не давать никаких показаний.

БУРЖУАЗНЫЙ СУД — ТРИБУНА РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Переходим к поведению на суде.

Исходя из того, что суд — классовый, что присяжные или коронные профессионалы или назначенные для разбора данного дела судьи являются только агентами классового врага, сидящими за судьейским столом специально для того, чтобы своим приговором унижить и ослабить борцов за свержение капиталистического строя, товарищам в капиталистических странах можно было бы к суду отнестись соответственным образом и отказаться от всякого в нем участия.

Но между судом и следствием существует большая разница. Суд происходит гласно, как бы ни старались буржуазные правительства ограничить эту гласность, в то время как следствие ведется тайно, в застенках тюрем. Даже в царской России революционерам удавалось печатать под-

робные отчеты о политических процессах, распространять в десятках тысяч экземпляров речи революционеров на суде и этим путем воздействовать на массы.

Революционер, которому грозит виселица или расстрел, выступающий на суде не в качестве обвиняемого, а в качестве обвинителя, обличающего буржуазию и весь строй эксплуатации и гнета, противопоставляющего этому строю строй свободного труда, строй подлинного братства трудящихся всего мира, не может не действовать на массы. Со скамьи подсудимых на буржуазном суде через головы судей можно и должно говорить с массами. Каждое слово, сказанное в такой обстановке, воспринимается массами очень чутко. Это надо учитывать. Достаточно вспомнить речь рабочего Петра Алексеева на одном из первых политических процессов в России, — речь которая в течение более полувека революционизировала массы, — чтобы в этом убедиться. Мы уже не говорим о речах Маркса, Розы Люксембург и др.

Но когда вопрос касается поведения на суде, роли подсудимых далеко не одинаковы. Есть привлеченные к судебной ответственности люди, обвинение которых весьма шатко, так как полиция не удалось собрать о них достаточно данных для вынесения судом сурового приговора.

Устраиваемый буржуазией суд является только одним из звеньев в цепи мероприятий против революционного рабочего движения. Представителям интересов рабочего класса нет никакого смысла своим выступлением на суде дать ей возможность изъять из рядов борцов тех, которые еще могут с успехом продолжать борьбу. А поэтому революционеры, коммунисты, против которых улики мало, не только могут, но должны опровергать и опорочивать приводимые против них факты, с целью вырваться из буржуазного плена.

Но и тут есть предел, за который нельзя пе-

рейти. При опровержении возводимых на него обвинений революционер, коммунист ни в каком случае — ради своего освобождения для дальнейшей работы — не может жертвовать интересами организации и партии и лиц, входящих в их состав. Измена знамени, измена партии не может быть искуплена никакой работой в будущем, не говоря уже о том, что для человека, ведшего себя на суде без обязательного для революционера и коммуниста достоинства, двери в партию навсегда закрыты.

Коммунист, у которого есть шансы вырваться из когтей врага, должен позаботиться о том, чтобы его защиту вел знающий, добросовестный и политически надежный адвокат. Неприемлем адвокат, который ради спасения своего клиента позволяет себе порочить партию, который строит свою защиту на том, что его клиент сам по себе «белее снега альпийских вершин», но «зловредные коммунисты» его вовлекли, развратили, заставили делать то, что в сущности противно его убеждениям, и т. д. Нельзя позволять защитнику умалять авторитет партии, доказывать, что представление о партии раздуто и т. д. и т. п.

Один из талантливейших защитников в царской России, но принципиальный противник социалистической борьбы — Владимир Спасович позволял себе подобные выходки. Говоря об Исполнительном Комитете Народной Воли, он заявил, что эта организация напоминает ему Великую Римскую империю, которая не была ни великой, ни римской, ни империей. Исполнительный Комитет Народной Воли не был исполнительным, не был комитетом и не выражал воли народа.

На процессе партии «Пролетариат» он же позволил себе еще нечто худшее. Он сравнивал эту партию с движением Стеньки Разина и из этого сравнения делал вывод: «Большому кораблю — большое плавание», — смертная казнь Стеньке

Разину была обоснована, но им (подсудимым), пытавшимся плавать в маленькой лодченке, на которой они вывесили кричащий флаг, назвав ее «Пролетариатом», им выносить смертный приговор смешно. Такая защита недопустима.

А между тем случаи такой защиты довольно часты. Объясняется это тем, что в судьбе привлеченного к судебной ответственности заинтересованы его родные, и они гоняются за знаменитостью, не считаясь с тем, как эти защитники будут защищать их близких. В таких случаях товарищам приходится ребром ставить вопрос: или защищай так, как я тебе указываю, или же не защищай вовсе. Многие товарищи совершенно правильно подбор защитников полностью предоставляют такой организации, как МОПР.

Вопрос о защитнике имеет еще большее значение для тех обвиняемых, которые признали себя членами компартии. Им то уже ни в каком случае нельзя допустить урона престижа партии. Для них суд — какая бы участь их ни ожидала — не суд, а трибуна, с которой они обращаются к массам. И если признавший свою принадлежность к партии обладает хотя бы малейшими ораторскими способностями, ему лучше отказаться от защитника и в так называемой «защитительной речи» превратиться в прокурора, в обвинителя капиталистического строя. Так делалось в царской России, к этому постепенно переходят и товарищи на Западе.

Немалое значение имеет и предоставляемое подсудимому «последнее слово». Это последний момент в «прениях сторон», когда прокурором и защитой речи уже произнесены, когда представляется последняя возможность опровергнуть возводимый прокуратурой на партию и ее членов поклев, когда можно развить и дополнить все, ранее мало или вовсе не развитое. В большинстве случаев — это последний аккорд, и он именно,

как последний, производит большое впечатление. Казненный впоследствии по делу «Пролетариата» Станислав Куницкий, будучи прерван председателем при произнесении последнего слова, крикнул: «Не забудьте, судьи, что это мое последнее слово». И этот крик подействовал даже на военный суд. Его больше не прерывали.

ПРОШЕНИЕ О ПОМИЛОВАНИИ — ИЗМЕНА РЕВОЛЮЦИИ

Последним актом судебного разбирательства является выносимый судом приговор. Главная цель выносимых классовым судом приговоров — это запугать, терроризировать массы и на долгое время, а часто и навсегда, изъять самых деятельных, самых активных и преданных делу пролетариата борцов.

От поведения осужденных зависит весьма много в борьбе с терроризированием масс судебным приговором. Они могут и должны выявить громогласно, что самые свирепые приговоры не в состоянии терроризировать подлинных борцов за освобождение пролетариата. Пением «Интернационала», возгласами в честь революции, призывами к борьбе должен быть встречен приговор. Это и делается в последнее время в большинстве случаев, в особенности комсомольцами. Такие выступления парализуют основную цель буржуазного приговора.

По делу «Пролетариата» мы не ограничились этим и за подписью всех осужденных послали на свободу письмо к рабочим, в котором писали:

«Правительство рассчитывало запугать нас, в действительности оно во всех вызовет чувство возмущения, так как даже не понимающие, за что мы боремся, поймут, что не может быть дурной идеи, во имя которой люди жертвуют жизнью. Даже

те, кто никогда не слышал (письмо было написано в конце 1885 года — Ф. К.) ни о социализме, ни о партии «Пролетариат», теперь знают о них, так как не будет человека в Польше, который не услышит о столь жестокой казни. И поэтому да здравствует суд, сделавший наше дело популярным!».

Это письмо «от мертвых к живым» произвело огромное впечатление на рабочие массы.

Суды, выносящие приговоры коммунистам, в зависимости от страны и политического момента, бывают различны. В одних случаях допускается апелляция (обжалование), в других — приговор бывает окончательным и обжалованию не подлежит. О последнем случае говорить нечего, но относительно приговоров, подлежащих обжалованию, существуют различные мнения, в которых необходимо разобраться. По мнению одних, подача апелляционной или кассационной жалобы не имеет ни малейшего смысла, так как классовый характер суда не меняется от того, будет ли дело разбирать суд низшей или высшей инстанции, и следовательно — подача жалобы не может дать никаких результатов. Это несомненно верно, если считаться только с результатами обжалования. Но это неправильно, если подачей жалобы можно добиться вторичного рассмотрения дела в апелляционном или даже в кассационном порядке.

В этом случае представляется возможность еще раз использовать всю судебную процедуру для целей агитации за идеи коммунизма.

После того как суд выполнил предназначенную ему буржуазией роль и одних приговорил к смертной казни, других к более или менее продолжительному тюремному заключению, вновь начинается, как начиналось и в царской России, совершенно особая и весьма оригинальная функция (работа) полиции,

Господствующие классы заинтересованы гораздо более в дискредитировании, развенчивании революционеров, чем в их «наказании». Это пресловутое «наказание» в лучшем для них случае обезвреживает одного или нескольких человек, в то время как для них грозны не эти отдельные личности, а массы. Рабочих — пусть они будут и беспартийными — если они пользуются авторитетом на фабрике или заводе, полиция стремится дискредитировать, чтобы рабочая масса перестала им доверять, как людям, на воле призывавшим к борьбе, а в тюрьме для спасения своей шкуры унижившимся, отказавшимся от того, к чему сами звали других. Этим объясняется усердие полиции в уговаривании подать прошение о помиловании членов революционных союзов, членов МОПР'а и в особенности членов компартии.

Учитывая, как действует на массы всякое поведение, недостойное члена этих организаций, полиция, рассчитывая на то, что в осужденном на смертную казнь или на каторгу проснется инстинкт самосохранения, уговаривает его подать прошение о помиловании, заверяя, что оно будет уважено и осужденный будет амнистирован (прощен). Каждая организация, а в особенности партия, отвечает и морально и политически за своих членов. Сознавая это, полиция делает все возможное, чтобы в лице отдельных лиц дискредитировать организации.

В каторжную тюрьму на Каре в восьмидесятых годах ежегодно приезжали высокие чины департамента полиции с целью уговорить ослабевших на каторге революционеров подавать прошение на высочайшее имя. Принимавший непосредственное участие в убийстве Александра II Емельянов был немедленно после подачи прошения помилован и переведен из каторжной тюрьмы на поселение.

Подача прошения является изменой знамени,

изменой партии. Такому изменнику, ради спасения своей шкуры втоптавшему в грязь знамя, под которым он удостоился бороться, никто руки не подавал, никто словом с ним не обменивался. Этим своим поступком он давал возможность жандармам развращать малосознательных уверениями, что он раскаялся, так как осознал преступность своего поведения. Для такого революционера никогда уже не может быть места в партийных рядах.

Борец за освобождение рабочего класса знает, на что идет, поднимая знамя борьбы. Захваченный врагом, он вступает на плаху с высокоподнятым знаменем. Его последним возгласом является возглас:

«Да здравствует революция! Да здравствует социализм!»

ЧИТАТЕЛЬ!

Пришли свой отзыв об этой книжке, указав свой возраст и профессию, по адресу:

МОСКВА, 9, УЛ. ОГАРЕВА, 4.
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК МОПР СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Спыт прошлого — оружие настоящего (Вместо предисловия) — КЛАРА ЦЕТКИН	3
<hr/>	
В лапах охраны и суда — Ф. КОН	
Соц.-фашисты на службе охраны	13
Конспирация против шпионажа	16
Десять «заповедей» конспирации	20
В ожидании полицейского ареста	26
В сетях следствия	30
«Отказывайтесь от показаний»	34
Буржуазный суд — трибуна революционера	39
Прошение о помиловании — измена революционеру	43

ПОМНИТЕ!

**1 ИЮЛЯ КОНЧАЕТСЯ СРОК
ПОЛУГОДОВОЙ ПОДПИСКИ**

НА

„ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ МАЯК“

МОПРОВЦЫ!

**ПРОДОЛЖАЙТЕ ВЕРБОВКУ
ПОДПИСЧИКОВ НА ЖУРНАЛЫ**

„ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ МАЯК“

Журнал освещает важнейшие события революционной борьбы на Западе и Востоке, уделяет значительное место быту и жизни узников капитала, деятельности организаций и ячеек МОПР в СССР и за рубежом и т. д. Регулярно помещает рассказы, очерки, стихи, воспоминания политэмигрантов, политзаключенных и т. д.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 6 месяцев . . . 1 р. 50 к.
на 3 месяца . . . — р. 75 к.
на 1 месяц . . . — р. 25 к.

**ПОДПИСКУ СДАВАТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПОЧТЁ
И ПИСЬМОНОСЦУ**

Издательству подписку направлять не следует.